
Научная статья
УДК 39.10
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-139-145

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ

Гутов Адам Мухамедович

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-224>

© А.М. Гутов, 2025

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия между жанрами адыгского фольклора. Характер связи поэтического творчества с действительностью зависит от системы условностей, сформированных в том или ином жанре фольклора. Всякое реальное событие находит свое отражение в фольклоре соответственно тому жанру, в котором оно аккумулируется. Одно и то же явление может быть по-разному представлено в песне, предании или же краткой афористической формуле. В то же время между разными жанрами вероятны свои связи. Они есть также и между разновидностями одной формы бытования, как это можно видеть в песенном творчестве. Разные ракурсы отражения возможны как в связи с различием в жанровых системах, но и по более практической причине – позиции песнетворца. В статье отмечается, как в песенном творчестве одно и то же явление получает освещение с принципиально различных оценочных позиций, что зависит прямо от среды возникновения песни. Несмотря на это, жанр функционирует по своим законам, и его поэтика остается единой в проявлении жанрово-родовых признаков. Она может оказывать влияние на общую эволюцию поэтической культуры даже при наличии признаков возникновения новых жанровых разновидностей. Если это влияние не направлено на жесткое подавление новых явлений и нет антагонизма между старыми канонами и новыми тенденциями, происходит естественный процесс эволюции традиции с опорой на опыт и с творческим освоением нового.

Ключевые слова: преемственность, эпос, жанр, трансформация, поэтика и существование

Для цитирования: Гутов А.М. Преемственность в песенном фольклоре адыгов // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 139–145. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-139-145

Original article

CONTINUITY IN SONG FOLKLORE OF THE ADYGS

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-224>

© А.М. Гутов, 2025

Abstract. The article is devoted to the problem of interaction between the genres of Adyge folklor. The nature of the connection between poetic creativity and reality depends on the system of conventions that have been formed in a particular genre of folklore. Every real event is reflected in folklore according to the genre in which it is accumulated. The same phenomenon can be presented in different ways in a song, a legend, or a short aphoristic formula. At the same time, there may be connections between different genres. There are also differences between the varieties of a single form of existence, as can be seen in songwriting. Different perspectives can be reflected both due to differences in genre systems, but also for a more practical reason: the position of the songwriter. The article notes how the same phenomenon can be presented from fundamentally different perspectives in songwriting, which depends directly on the environment in which the song was created. Despite this, the genre operates according to its own laws, and its poetics remain. It is unified in terms of genre and generic features. It can influence the overall evolution of poetic culture, even if there are signs of the emergence of new genre varieties. If this influence is not directed towards the strict suppression of new phenomena and there is no antagonism between old canons and new trends, then there is a natural process of evolution of the tradition based on experience and the creative assimilation of new things.

Keywords: Continuity, epic, genre, transformation, poetics, and existence

For citation: Gutov, A.M. Continuity in the Song Folklore of the Adyge People. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 139–145. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-139-145

Всякое значительное явление общественного масштаба призвано получить свой отклик в массовом сознании. Это одна из закономерностей устного народного творчества. В одном случае важное событие порождает песню, в другом – с течением времени воспоминания участников или очевидцев становятся в процессе бытования преданиями, в третьем народное сознание сохраняет память о событии через устойчивые и общеупотребительные языковые единицы (фразеологизмы, пословицы, поговорки), разного рода топонимы и даже антропонимы (в свою очередь за ними могут стоять нарративы). Случается так, что некоторые из названных нами вариантов, а порою чуть ли не все они вместе, проявляются в едином комплексе. Причем, не исключено возникновение нескольких песен и сказаний по одному и тому же случаю или же с одним и тем же персонажем в центре внимания. Это возможно в силу или исключительности события, или особой популярности героя / героев, или же по причине многообразия самой жизни, отражать которую призвано устное слово. С течением времени что-то непременно забывается, затем вовсе стирается из памяти. Вместе с этим происходит своего рода естественный отбор, в результате которого в коллективном сознании остается что-то одно. Это обычно бывает из ряда самого интересного, важного или же такого, что волею случая, в результате стечения обстоятельств, отложилось в массовом сознании и заняло в нем свою нишу. Это «что-то» превращается в явление социального масштаба, иногда именуемое термином «историческая память»; по законам изустной трансмиссии оно может функционировать в живом бытании в течение длительного времени, замещая подлинную историю. Но это никак не значит, что часть, которая исчезла, ушла потому, что она отныне не представляет интереса для истории и культуры. Логика народной памяти иногда бывает непредсказуемой. Причина может быть, например, в том, что массовое сознание устроено таким образом, что многое из созданного талантом коллектива или его одаренных представителей предается забвению. Причины этого могут быть разные – от невысоких художественных достоинств песни до своего рода конкуренции (одно произведение может вытесняться другим, стремящимся занять место в системе ценностей); не исключены и случаи когда песни на одну тему сближаются и одна поглощает другую. Часто залогом сохранения произведения в устном обиходе оказывается не важность события или героя, а эстетический фактор. Неслучайно в поговорке говорится: «Хъэлывэр яшхызынрэ пэт япкI» – Хотя пирожок

должен быть тут же съеден, его <при приготовлении> украшают. Следовательно, красота важна изначально, и в сознании остаются не только содержимое пирожка и ощущение сытости, а также его вкус и форма. Возможно, это играет немаловажную роль в судьбе того или иного произведения словесной культуры.

Иногда получается так, что одно и то же явление запечатлевается в фольклорном обиходе разными произведениями, в идейно-содержательном плане антагонистическими. Так, например, противостояние между двумя княжескими ветвями Кабарды в XVII в. породило сразу несколько циклов, которые, как можно полагать, возникли частью в среде сторонников одного клана, частью же – в лагере противной ему стороны. Соответственно, герои одной песни могут представиться отрицательными персонажами в другой [Сокуров 2024].

В настоящее время никто не сможет сказать, например, сколько песен и преданий породило такое явление адыгской истории как нашествие Крымского хана на Кабарду в 1708 году, завершившееся разгромом ханского войска в Канжальской битве. К настоящему времени, спустя более, чем три столетия после этого события, от всего, что когда-то возникло по данному поводу в фольклоре, остались всего лишь многочисленные варианты прозаического сказания как о самом нашествии, так и о сражении, роковом для крымчан. Предание было многократно записано в XIX–XX вв. [Гутов 2008]. Помимо того, в свидетельствах и записках разных авторов само это событие зафиксировано с исторической достоверностью, оно же отражено в фольклоре не только адыгов, но и соседних народов (осетин, карачаево-балкарцев), и это еще раз подтверждает нераздельность исторических судеб разноязычного коренного населения Кавказа.

Столь же нераздельной предстает судьба и народов Советского Союза в фольклоре времен Великой Отечественной войны. Известные драматические страницы истории нашего отечества пробудили не просто абстрактное представление о войне, о патриотизме, о героизме отдельных воинов, о судьбах отдельных личностей, а также и совершенно конкретные образцы реакции на общее для всех народов страны судьбоносное явление. Полагаем, что при сравнительном анализе фольклорных произведений, возникших на данную тему в разноязычной советской среде, можно было бы увидеть много сходного. Это относится не только к основной тематике, но также и к конкретным мотивам, и к возникающим на их основе сюжетам, а наряду с этим и к жанровому многообразию, к отдельным образам, и даже к совпадению изобразительно-выразительных приемов, которые используются певцами совершенно независимо друг от друга в песнях на разных языках. Мы, к сожалению, не имеем в настоящее время такой возможности, поскольку у нас под рукой нет соответствующих материалов фольклора всех народов Кавказа, а тем более всей страны. Между тем фактом является то, что в основе подобных сближений и схождений лежат общечеловеческие представления о добре и зле, о верности и предательстве, о героизме и трусости, о бесценности человеческой жизни и ее скоротечности. На этом базируется единство любого общества, будь оно монотническим или же многоязычным и многоконфессиональным.

Достойно внимания также то, что в условиях естественной эволюции человеческого общества и сопутствующих этому изменений в области сознания, неизменными остаются не только ценностные понятия наподобие представлений о добре и зле, прекрасном и безобразном, мужестве и трусости и т.п. Не менее важными оказываются ранее созданные формы их конкретного выражения, казалось бы, несущие печать только своего времени и своей локальной среды возникновения. Говоря прямо, нередко новое содержание и суждения, порождаемые новыми обстоятельствами, новыми типами персонажей, конкретными событиями, лицами, предметными реалиями и т.п., ценности, имеющие ключевое значение для создателей песни, воспеваются в новом произведении с активным использованием приемов ранее сложившейся традиционной поэтики. Она, казалось бы,

сформировалась в иную эпоху, а потому не должна иметь прямого отношения к современности, ее активная фаза ограничена, например, нравами и идеалами времен рыцарства и наездничества. При первом знакомстве с ними использование художественных приемов средневековья может представиться не чем иным, как обращением к безвозвратно ушедшим временам с их устаревшей атрибутикой. Разумеется, условия середины ХХ в. диктуют иной характер мировосприятия, иную лексику, свой кодекс поведения, они же требуют и средств поэтического выражения, соответствующих эволюции мировоззрения. Вместе с тем сходная ситуация – война, мобилизующая во все века нравственные и физические ресурсы человека, порождает потребность и уместность обращения к старым формам, она вновь апеллирует к испытанным средствам поэтического самовыражения певца, придавая им статус констант, не зависящих от времени. В науке нередко отмечались случаи, когда новое содержание, а в частности порою и вновь входящее в оборот явление в фольклоре (или же разновидность этого явления) обращается к поэтике, уже давно сложившейся и устойчиво ассоциирующейся с определенным жанром и определенной стадией эволюции. В подобных обстоятельствах традиционная форма преподносит новое, используя систему старых приемов, поэтику, атрибутику феномена, ранее бывшего популярным, но давно уже ставшего непродуктивным под воздействием возникающих новаций в области поэтики, социальных преобразований и даже эволюции языка в его художественной функции. Так, например, в русском фольклоре первых десятилетий советского периода на основе поэтического языка и стиля традиционных былин в свое время начали возникать так называемые «новины» – лиро-эпические произведения в стиле былин, но посвященные преобразованиям и деятелям новейшего времени [Соколов 1941: 245; Русское народное творчество 1966: 330]. Подобного рода случаи отмечаются в устно-поэтических произведениях целого ряда народов, и это позволяет считать общефольклорной закономерностью такой факт как использование ранее утвердившихся приемов поэтики для возникновения новых жанров или разновидностей продуктивно функционирующего жанра. Характерно, что и адыгские поэты первой половины ХХ в., пришедшие к литературной практике из устной поэтической культуры, фактические наследники древней традиции народно-профессиональных певцов и песнетворцев джегуако (Б. Пачев, К. Сижажев, А. Хавпачев), сочиняли стихи о новых временах и героях именно в эпическом стиле и с активным использованием образной системы архаического и средневекового эпоса [Ипэрей адыгэбзэ...2010: 64–73, 97–118, 119–122]. Такое отмечено и в других жанрах фольклора адыгов, здесь они характеризуются «встречами» – архаического эпоса и эпических произведений историко-героического характера, позднее – героической песни с историко-героической, а ее – с народной лирикой во всем ее многообразии [Налоев 2009: 47–108]. Как можно полагать, возникновение подобных явлений должно мотивироваться совокупностью внешних и внутренних обстоятельств, так как без каких-либо логических связей обращение к старой форме для поэтизации нового содержания будет просто противоестественным. Можно предположить, что свою роль здесь играет сугубо техническая возможность использования в новых обстоятельствах уже наработанной в устном употреблении эстетической системы – в случае, если эти обстоятельства типологически коррелируют с прошлым, или же в области устного творчества в плане выражения не стали нормой соответствующие новациям эквиваленты. Но и тогда между новым и старым должны быть какие-то смысловые связи, опорные мотивационные переклички, параллели.

К отмеченным типам взаимодействия между жанрами надо отнести и такое явление, когда под влиянием тематической близости между новыми и более ранними обстоятельствами, которые оказались в свое время событийной основой традиционной поэтики, язык и стиль нового типа песен обращаются к стилю и языку

более ранних образований. Но происходит это не механически, а в развитие общефольклорных эволюционных процессов. К таковым относится, например, активное использование некоторых особенностей приемов древней историко-героической песни в песнях, возникших по мотивам событий времен Великой Отечественной войны. Таким образом, подобного рода встречи в области поэтики оказываются показателями единого художественного процесса в народной словесной и музыкальной культуре. В данном случае сходные обстоятельства настолько очевидны, что не приходится прилагать дополнительных усилий для поиска обстоятельств, которыми обусловлено названное явление. Это, прежде всего, вражеское нашествие, во все времена грозящее бедствиями для всего общества. Это также традиционное понятие о патриотизме, культ подвига, что неизменно является константой в шкале нравственных ценностей любого духовно здорового общества. Это также прославление своих героев, а также мемориально-плачевый характер поэтического стиля в тех частых случаях, когда песня посвящается погившему воину. Свидетельства этого мы находим в фольклорных записях и публикациях песен и преданий по мотивам Великой Отечественной войны [Архив КБИГИ; Советскэ Къэбэрдэйм... 1957: 933–103; Хэку Зауэшхуэ... 1996]. Как в свое время Верховный главнокомандующий в обращении к народам Советского Союза возвзвал к памяти о выдающихся героях исторического прошлого, так и народные песни, возникшие в военное время, обращаются к образам эпических героев и к поэтическому стилю древних песен и сказаний. Это и сама высокая торжественная тональность исполнения, и возвышенная лексика с величальными эпитетами и эпически масштабными гиперболами, и упоминание славных эпических персонажей (таких, как нарт Сосруко и легендарный народный герой Андемиркан). Разумеется, обстоятельства выдвигают на передний план новый предметный ряд, который характерен для реалий XX столетия. Поэтому в песнях времен Великой Отечественной войны в центре внимания естественны «пушки», «танки», «пулеметы», «автоматы», «шинели» и пр. Они же наделяются и эпитетами соответствующего характера, чем вводятся в номенклатуру народной поэзии и в контекст всей традиционной песенной культуры. Но в одном ряду с ними совершенно естественны имена эпических героев, в лексиконе также фигурируют такие слова как «меч», «наездник», «стрела Шибле» (оружие мифического бога грозы). Новые в поэтическом лексиконе предметы наделяются эпитетами, употребительными в текстах древних героических песен. Это, как очевидно, нельзя оценивать иначе, как мобилизацию арсенала духовных ценностей для выражения темы, ставшей вновь актуальной спустя многие годы и даже столетия. Когда в песне о войне с фашистами воспевается герой, владеющий мечом, изготовленным руками языческого покровителя кузнечного ремесла, когда утверждается, что воин, побеждает в одиночку целое вражеское войско когда он возводит корни своей родословной к легендарным эпическим персонажам, тем самым создается поэтический мир, в котором традиционное и новое образуют необычный, но все же органичный сплав. В нем соединены по законам искусства новые элементы с традиционными атрибутами в области формы выражения и содержания.

Уместно будет заметить, что в народной лирике предвоенных лет уже были очевидны значительные перемены. Так, на место привычной формы песнопения – солист, исполняющий вербальный текст, и ведущий невербальную голосовую партию хор(ежью), мы чаще встречаем сольное исполнение с инструментальным сопровождением или же одиночным пением. При этом прежнее хоровое сопровождение не забыто, но, как отмечено в издании, подготовленном В.Х. Барагуновым, вместо стреттного исполнения появляется последовательное пение обеих партий одним певцом [Барагунов 1996]. Мелодическая строфа состоит из семантически значимого словесного текста, за которым следует припев, представляющий собой несмыслонесущие голосовые модуляции, функционально представляющие собой

трансформацию традиционного хорового сопровождения. Таким образом, в новых обстоятельствах присутствуют те же атрибуты старой поэтики, но они как бы адаптируются, благодаря чему сохраняется органическая связь нового с вековой традицией.

В 20–30 гг. XX в. в область звуковой организации текста стала активно проникать европейская поэтика с концевой рифмой. Но в песнях времен ВОВ доминирует традиционная манера версификации, опирающаяся на анафору, параллелизмы, богатую аллитерацию, ассонанс, анадиплосис (подхват) – приемы, весьма характерные для устной поэзии. Как можно понимать, такой возврат произошел в области народного стихосложения не только потому, что традиционная форма представляется более удобной для самовыражения и восприятия, а по той причине, что в критические для общества моменты внимание обращается на то, что является более «укорененным», близким по духу. Это оказывается востребованным в переломные периоды истории.

В народной песне военного времени получил дальнейшее развитие давно начавшийся процесс усиления лирических мотивов, и это сказалось на расширении тематического диапазона. В отличие от ранней традиции, здесь появляются песни-монологи погибающего воина иногда с тирадами, прямо обращенными к близким – матери, отцу, брату, сестре, сыну, супруге. Это новое явление, но его возникновение мотивировано обстоятельствами. Также заслуживают быть отмеченными песни диалогического характера: девушка и юноша обмениваются репликами. В одном случае она попрекает его за робость и вдохновляет на ратные подвиги, чтобы он заслужил ее расположение, в другом – юноша клянется, что готов вызволить возлюбленную из неволи, она же предупреждает его о том, насколько это рискованно. Подобное построение есть не что иное, как трансформация структуры традиционного словесного состязания на вечеринках в мирных условиях. Примечательно, что источник такой композиции – народная смеховая культура, но легкая развлекательность, уместная на посиделках, здесь сменяется серьезным тоном, что обусловлено драматическими обстоятельствами. Отдельную группу составляют песни девушки, увезенной в Германию. Они характерны тем, что тональностью и некоторыми приемами выразительности они прямо перекликаются с песнями-сестованием времен Кавказской войны. Но насилием выступает не казачий есаул или царский офицер, а немецкий комендант, увозящий пленницу в Берлин.

При более обстоятельном изучении проблемы есть возможность расширить круг рассматриваемых явлений и глубже разобраться в этом сложном и весьма интересном вопросе, что предстоит сделать в более обширных исследованиях. Рассмотренного нами достаточно, чтобы сделать ряд умозаключений.

Очевидно, что традиционная поэтическая система эпоса оказала значительное влияние на другие жанры адыгского фольклора. При этом важно заметить, что это не было прямым подавлением иных жанровых образований: как структура текста, так и поэтически-стилевая фактура традиционных и героико-эпических песен оказались достаточно гибкими, благодаря чему вместо жесткого подчинения стереотипам отмечается определенная способность к трансформации. Это способствовало сохранению межжанровых связей и формированию единого эстетического поля адыгской народной песни.

Список источников и литературы

Архив КБИГИ – Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Фольклорный фонд, папки 32-в, 32-г.

Гутов 2008 – Гутов А.М. Историческое событие в фольклорном отражении // Канжальская битва и политическая история Кабарды. Материалы Всероссийской научной конференции 15–16 июля 2008 г. Нальчик: 2008. С. 303–312.

Ипэрей адыгэбзэ... 2010 – Ипэрей адыгэбзэ литературэм и антологии. Зэхэзыльхъар Нало З. Налшык: КБИГИ, 2010. Н. 352. (Антология ранней адыгской литературы. Сост. З. Налоев. Нальчик: КБИГИ, 2010. 352 с.). (На кабард.-черк. яз.)

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 656 с.

Русское... 1966 – *Русское народное творчество*. М.: Высшая школа, 1966. 360 с.

Советскэ Къэбэрдейм... 1957 – Советскэ Къэбэрдейм и ЙуэрыIуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. Н. 144 (Фольклор советской Кабарды. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. 1957. 144 с.). (На кабард.-черк. яз.)

Соколов 1941 – *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 560 с.

Сокуров 2024 – *Сокуров В.Н.* Триумф и трагедия кабардинской княжеской династии Шогануковых (история и фольклор) // Фольклор и возникновение авторского словесного искусства. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2024. С. 217–269.

Хэку Зауэшхуэ... 1996 – Хэку Зауэшхуэ ильэсхэм яуса уэрэдхэр. Зэхэзыльхъар Бэ-рэгъун В. Налшык: Эльбрус, 1996. Н. 56. (Народные песни времен Великой Отечественной войны Сост. В. Барагунов. Нальчик: Эльбрус, 1996. 56 с. (На кабард.-черк. яз.)

References

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij KBNC RAN, Fol'klornij fond, papki 32-v, 32-g. [Archive of the Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Folklore Fund, folders 32-v, 32-g.]. (In Kabardino-Circassian)

GUTOV A.M. *Istoricheskoe sobystvie v fol'klornom otrazhenii* [Historical events in folklore reflection]. IN: Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy'. Materialy' Vserossijskoj nauchnoj konferencii 15-16 iyulya 2008 g. Nal'chik, 2008. P. 303–312. (In Russian).

Antologiya rannej ady'gskoj literatury' [Anthology of Early Adyghe Literature]. Sost. Z. Naloev. Nal'chik, KBIGI, 2010. 352 p. (In Kabardino-Circassian).

NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kultury adygov* [Studies on the history of Adyghe culture]. Nal'chik, E'lbrus, 2009. 656 p. (In Russian).

Russkoe narodnoe tvorchestvo [Russian folk art]. Moskva, Vy'sshaya shkola, 1966. 360 p. (In Russian)

Folklor sovetskoy Kabardy [Folklore of Soviet Kabarda]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1957. 144 p. (In Kabardino-Circassian)

SOKOLOV Yu.M. *Russkij fol'klor* [Russian folklore]. Moskva, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1941. 560 p. (In Russian)

SOKUROV V.N. *Triumf i tragediya kabardinskoy knyazheskoj dinastii Shogunukovy'x (istoriya i fol'klor)* [The Triumph and Tragedy of the Kabardian Princely Dynasty of Shogunukov (History and Folklore)]. IN: Fol'klor i vozniknovenie avtorskogo slovesnogo iskusstva. Nal'chik: IGI KBNC RAN, 2024. P. 217–269. (In Russian)

Narodny'e pesni vremen Velikoj Otechestvennoj vojny' [Folk songs from the Great Patriotic War]. Sost. V. Baragunov. Nal'chik, E'lbrus, 1996. 56 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.